

Рассмотренные в данной статье коптские ткани и некоторые связанные с ними проблемы свидетельствуют о том, что эти художественные памятники являются ценным и многосторонним историческим источником. Специалисты разных профессий — историки, искусствоведы, этнографы, мифологи, филологи и другие — могут найти в них для себя самый разнообразный и неожиданный материал.

Ю. А. ПЯТНИЦКИЙ

ОБЗОР ПОСТВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИИ (по данным архивных и печатных источников)

Культурные контакты Древней Руси с Византийской империей и поступление в этот период на Русь памятников искусства достаточно хорошо известны и неоднократно привлекали внимание ученых.¹ Сложилось даже мнение, что именно в X—XV вв. появились на Руси известные сегодня исследователям иконы и произведения прикладного искусства. Однако это не так. Большая часть их попала в нашу страну в основном начиная с XVI в. Архивные документы, мемуары и периодика донесли до нас многочисленные свидетельства о путях и времени привоза на Русь памятников как собственно византийского периода, так и последующего — поствизантийского. Как правило, эти сведения малоизвестны и редко используются в научных работах. Поэтому кажется целесообразным на их основе представить, как и когда привозились и распространялись в России подобные памятники.

XVI—первая половина XVIII в. отмечены особенно активными контактами православного Востока с Русским государством. Именно в это время на Русь устремляется многочисленный поток «просителей милостыни», везших для большего успеха святые реликвии и благоговения. Москва, считавшая себя духовной наследницей Византии и «вторым Константинополем», довольно любезно принимала просителей и оказывала обителям Востока материальную помощь. Одновременно русские правители не забывали и о собственных выгодах: добились церковной независимости, использовали греков, даже высших иерархов, в качестве политических агентов на Востоке, собирали православные святыни и древности, подражая «граду царя Константина». Судя по дошедшим до нас документам о привозах восточного духовенства,² в России хорошо разбирались в цен-

¹ Для XIV в. обзор упоминаний о привозе произведений искусства см. в кн.: *Попова О. С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины четырнадцатого века: Его связи с Византией. М., 1980. С. 24—32. — Наиболее полную библиографию см. в работе: *Пятницкий Ю. А.* Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // *Древнерусское искусство (в печати)*.

² На архивных материалах построены работы: [*Муравьев А. Н.*] *Сношения России с Востоком по делам церковным*. СПб., 1858. Ч. 1; 1860. Ч. 2. — Три

ности и значимости привозимых даров. Исходя из этого, определялась и посылаемая «милостыня». Наблюдательные греки очень быстро уловили эту закономерность и старались привезти какую-либо «древность», часто сопровождая привозимые предметы легендами об их принадлежности «царям и святым лицам» и о «чудесном обретеннии». Среди действительно древних памятников, поступивших в Россию таким путем, значительное число составляли поствизантийские произведения XV—XVIII вв. Все они концентрировались в храмах Московского Кремля и Образной палате при дворце, где хранились семейные и подносные иконы, кресты, мощи, пелены и т. д. русских царей. Это было своеобразное древлехранилище церковных памятников. Анализ сохранившихся фрагментов описи Образной палаты 1669 г. (с включением описей 1651—1652 гг.) позволяет выделить около ста икон «греческого письма» и сотни произведений прикладного искусства: мощевики, деревянные резные кресты, панагии, эмалевые образки, резные иконки «греческого дела», «с греческими подписями» или поднесенные восточным духовенством.³ Учитывая фрагментарность этой описи и краткость описаний, можно с достаточным основанием предположить, что количество греческих памятников в Образной палате было еще более значительным. По традиции часть святых хранилась в придворном Благовещенском соборе, жилых покоях, казне, и они почти на нашли отражения в данной описи. Следует учитывать, что большой урон кремлевскому древлехранилищу был нанесен пожаром 1547 г., когда «да и в казнах великого князя и в постельных крест животворящее древо, на нем же распят Господь Наш Иисус Христос, и мощи святых, и пречистая образ Редегитцкая, и иные святые образы Карсунскаго письма и Греческаго и Цареградскаго, и платья, и все казны выгорешя».⁴

последующих тома этого сочинения сохранились в рукописном варианте и находятся в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина: ф. 79 (А. В. Горский), оп. 12, д. 10/1—3. См. также: *Горский А. В.* О сношениях русской церкви с святогорскими обителями до XVIII столетия // Прибавления к творениям святых отцов. М., 1854. Ч. 6. С. 129—168; *Кантевер Н. Ф.* 1) Русская благотворительность монастырям св. горы Афонской в XVI, XVII и XVIII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1882. С. 81—116, 299—324, 455—470, 625—653; 2) Приезд в Москву за милостыню сербских иерархов разных кафедр и настоятелей разных сербских монастырей в XVI, XVII и в начале XVIII столетия // Там же. 1891. Ч. 58. С. 460—576; 3) Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Палаузов С.* Грамота старцев Хиландарского монастыря царю Ивану Васильевичу Гроаному. СПб., 1861; *Архимандрит Леонид.* Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам сербскому и русскому // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—138; *Сазаров И. П.* Сношения Русского двора с Европою и Азиею в царствование Алексея Михайловича // Отечественные записки. 1839. Т. 1. Отд. II. С. 47—92.

³ *Успенский А. И.* Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. М., 1902. С. 1—83.

⁴ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 182—183; см. также *Щенникова Л. А.* О происхождении древнего иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля // Советское искусствознание, 81. М., 1982. № 2. С. 92—102. — К сожалению, по документам трудно определить характер икон и время их создания. Все же из некоторых описаний можно вычлениать иконо-

Состав Образной палаты не был постоянным. Отсюда брались царями иконы, кресты, мощи для дворцовых покоев и придворных храмов, для вкладов в церкви и монастыри, для подарков членам царской семьи и приближенным лицам.⁵ Только в 1647—1648 гг. царь Алексей Михайлович пожаловал в новый храм Новоспасского монастыря более трехсот икон греческого и московского письма и особо 42 иконы из подношений восточного духовенства.⁶ А «Нерукотворный образ» из Иерусалима, побывав в Образной палате, попал в Ярославль. В 1619 г. этот образ был поднесен иерусалимским патриархом Феофаном царю Михаилу Федоровичу, а в первой половине XVIII в. он был подарен императрицей Анной Иоанновной своему духовнику — архимандриту Троице-Сергиевой лавры Варлааму. Последний благословил этой реликвией священника церкви Николая Надеина в Ярославле Максима Парфеньевича, внук которого Георгий Холщевников в 1790 г. вложил ее в церковь Параскевы Пятницы на Туговой горе близ Ярославля, где икона была особо почитаемой святыней.⁷

Отдельные произведения поствизантийской живописи имелись во многих храмах России, не только в столичных или крупных прославленных обителях, но и в небольших сельских церквях. Как правило, это вкладные иконы, либо привезенные из паломнических поездок к «святым местам», либо издревле хранившиеся в семье вкладчика. Укажем несколько примеров.

Сербский образ XV—XVI вв. Иоанна Предтечи, принадлежавший Иоанну IV Грозному, после смерти царя перешел к его сыну Федору, а затем с царицей Ириной Годуновой, принявшей постриг, попал в Новодевичий монастырь.⁸ Первые Романовы проявляли особую заботу по украшению Новоспасского монастыря в Москве. Известны вклады икон греческих и «Рублева письма» Ксении Ивановны Шестовой, матери царя Михаила Федоровича, великой княгини Евдокии Лукьяновны, патриарха Филарета, уже упоминавшиеся вложения царя Алексея Михайловича.⁹

графические типы, характерные для поствизантийского времени. Например: «Образ Всемилостивого Спаса, писан в корени Ессееве», «образ свв. Саввы и Симеона Сербских, с благословляющим Спасом», «икона царей сербских», «образ Иоанна Нового», «Апостолы Петр и Павел, держащие храм», «мученическая смерть Георгия Нового»; копии с прославленных чудотворных афонских икон — Богоматери Хиландарской, Иверской, Ватопедской, св. Пантелеймона, св. Георгия Зографского и др. По-видимому, к поствизантийскому искусству относились и деревянные резные и перламутровые кресты, складни, панагии.

⁵ О судьбе Образной палаты см.: *Пятницкий Ю. А.* Один из путей проникновения. . .

⁶ *Сн. Н.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 42, 120—124. — В тот же монастырь в 1649 г. были пожалованы три резных деревянных креста, привезенных с Афона: из монастыря Кутлумуш в 1630 г., из Хиландара в 1640 г. и Ставроникиты в 1641 г. (там же. С. 125).

⁷ *Сахаров И. П.* Исследование о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. С. 36—37.

⁸ *Ностыикова-Лосева М. М.* Три камня Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 225—226.

⁹ *Сн. Н.* Новоспасский монастырь. С. 53; *Архимандрит Леонид.* Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. М., 1883. С. 13—31.

Необходимо упомянуть о заказах в 1640—1650-х гг. будущим патриархом Никоном (1652—1658) копий с чудотворных афонских образов. Исполненные греческими мастерами, они находились в основном в палатах и церквях патриаршего двора, а также рассылались по монастырям. Наиболее известна из этих копий Богоматерь Иверская, исполненная в 1648 г. мастером Ямвлихом и хранящаяся ныне в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.¹⁰

Заслуживают внимания сведения о привозе в Россию в 1654 г. Влахернской Богоматери, поднесенной царю Алексею Михайловичу от имени иерусалимского протосингелла Гавриила. Причем вместе с оригиналом, обнаруженным по легенде в Стамбуле и называемым воскомастичным, в Москву были привезены и три гипсовые (?) раскрашенные отливки, снятые с вновь обретенной иконы во время ее реставрации на Афоне. В России равным образом почитались как подлинная Влахернская, так и афонские отливки, бесспорно являющиеся уже памятниками поствизантийской живописи.¹¹

Копию с образа Троеручицы принес с Афона в 1661 г. основатель Белобережской пустыни Брянского уезда отец Симеон. В XVIII в. для князя Одоевского была прислана из Александрии икона св. Иоанна Милостивого, которая хранилась в Воскресенском храме с. Городно Коломенского уезда.¹² Граф Б. П. Шереметев привез с о-ва Мальта икону Богоматери с младенцем, подаренную ему в 1697 г. мальтийскими рыцарями.¹³ Восточные патриархи прислали стольнику В. П. Головину образ *Noli me tangere*, который был поставлен в храме с. Новоспасское, где находилась и икона апостолов Петра и Павла, привезенная из Рима.¹⁴

До сегодняшнего дня одной из почитаемых реликвий Никольского собора в г. Ленинграде остается италогреческий образ XVII в. св. Николая Чудотворца, поднесенный греческими моряками царю Петру I. В архиве Н. П. Лихачева сохранилась запись любопытного предания, согласно которому при Петре I в Вологду был сослан иконописец грек-критянин. В Вологде он исполнил иконы трех верхних ярусов и Распятие для городского собора.¹⁵ В описи 1744 г. церкви Воскресения Христова в Московском Кремле упоминается образ Великомученицы Екатерины греческого письма на малой доске.

¹⁰ Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Богоматери, принесенной в Россию в 1648 г. М., 1879. С. 1—7. Прил. V.

¹¹ Подлинная икона находилась в Успенском соборе Кремля, одна из копий — в с. Новоспасское у Головиных, другая — в Высоко-Петровском монастыре, третья — у князей Голицыных в с. Влахерское (*Казанский П. Село Новоспасское, Деденево тож и родословная Головиных, владельцев онаго. М., 1847. С. 81—82; 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. М., 1988. № 91. — Специальная работа о привозе Влахернской иконы в Россию подготовлена к печати Б. Л. Фонкичем).*

¹² Сагаров И. П. Исследование. . . С. 40.

¹³ *Иванчич-Писарев Н. Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 161.*

¹⁴ *Казанский П. Село Новоспасское. . . С. 30.*

¹⁵ ААН СССР, ф. 246, оп. 1, д. 96, л. 530.

По-видимому, это был поствизантийский памятник. В 1833 г. иерусалимский патриарх послал икону св. Георгия на дубовой доске греческого письма в новгородский Юрьев монастырь в благословение архимандриту Фотию.¹⁶ В 1845 г. купец Ширяев привез с Афона икону Богоматерь Отрада (список с Ватопедской) и подарил его в 1861 г. в Богоявленский храм с. Подоклинье Псковской губернии.¹⁷ В середине XIX в. известный писатель и путешественник А. Н. Муравьев привез из своих странствий по Востоку целую коллекцию икон, в том числе и позднегреческой живописи. Одну из них — Распятие XV в. — он подарил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры, другую — Великомученик Димитрий из Пантелеймоновского монастыря на Афоне — пожертвовал в 1872 г. в греческую церковь в Петербурге.¹⁸ Две афонские парные иконы — Вседержитель и Иоанн Предтеча — принадлежали основателю Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря игумену Парфению. На обороте икон сохранилась запись о вывозе их игуменом Парфением с Афона.¹⁹ Со Святой Горы были привезены три образа (Богоматерь Иверская, Скоропослушница и св. Пантелеймон) петербургским купцом Е. Н. Сивохиным, вложившим их в 1879 г. в Белогостицкий монастырь близ Ростова Великого.²⁰ В 1905 г. константинопольский патриарх Иоаким III послал в благословение жителям г. Казани точный список с мозаичной иконы Божией Матери Памакаритиссы, хранившейся в патриархии в Стамбуле.²¹

Таковы лишь некоторые примеры с более или менее явным указанием на поствизантийский характер памятников. Но уже из них видно, что поствизантийские произведения не были редкостью для России и попадали даже в глухие уголки страны. На Руси эти образа не только окружались почитанием, но и копировались местными мастерами. Таким путем в русскую иконопись проникали поствизантийские иконографические элементы.

В XVIII в. с учреждением Синода, переносом столицы в Петербург, введением так называемой «Палестинской дачи» приезды духовенства с Востока стали реже. Подносимые святыни в это время практически не поступали в Московский Кремль, и Образная палата стала терять свое значение древлекранилища. Подносимые древности

¹⁶ Арх[имандрит] Макарий. Описание новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря // ЧОИДР. М., 1853. Кн. 2. С. 48—49.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 4, д. 77, л. 14.

¹⁸ [Муравьев А. Н.] Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам. Киев, 1972. С. 14; Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 3. № 954. — Предложенная в каталоге датировка Распятия XIV в. представляется слишком ранней, поскольку икона более близка памятникам XV в., например аналогичному образу на о-ве Патмос.

¹⁹ После смерти Парфения 17 мая 1878 г. иконы хранились в Троице-Сергиевой лавре, а в 1930 г. поступили в Третьяковскую галерею.

²⁰ Газрилов А. В. Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря // Сборник археологического института. СПб., 1880. Кн. 4. Отд. II. С. 83.

²¹ Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Т. 2. С. 13.

теперь передавались в жилые комнаты дворцов Петербурга и пригородов, в храмы придворного ведомства.²²

Наиболее значительное поступление поствизантийских памятников в это время было связано с празднованием 300-летия Дома Романовых. Воспользовавшись этим событием, в Россию начиная с 1910 г. и до начала первой мировой войны устремляются многочисленные делегации от монастырей, различных обществ и учреждений, частных лиц, со всего православного Востока. Антиохийский патриарх Григорий IV даже исходатайствовал разрешение на устройство при одном из русских музеев «отдела древностей Антиохийской патриархии», куда намеревался перевезти все церковные древности и достопамятности своей патриархии.

Афонские славянские обители, и прежде всего Хиландар, собрали более ста икон XV—XVIII вв. для русского царя. Около 30 образов привезла делегация от русского Пантелеймоновского монастыря, скита св. Андрея и некоторых келлиотов. Почти все они поступили в специально построенный храм-памятник 300-летия Дома Романовых в местечке Тярлево, близ Павловска. Этот храм мыслился как своеобразное древлехрамиле. Кроме вышеупомянутых подношений для него специально покупались целые собрания древних русских и греческих икон.

Точно так же подлинными древними иконами, фрагментами фресок и утварью наряду с вновь написанными и изготовленными «в древнем стиле» был украшен в 1910-х гг. Федоровский собор Царского Села. Среди купленных и пожертвованных икон из собраний графа А. А. Бобринского, князя А. А. Ширинского-Шахматова, М. И. Тюлина, Н. А. Протопопова, Н. М. Постникова, Д. И. Силина упоминаются произведения итало-греческого, критского, сербского и греческого письма.²³

В начале XX в. сооружение подобных храмов-древлехрамиле получило большое распространение. Так, в московском Чудовом монастыре был сооружен храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича, богато украшенный семейными иконами. Значительное место среди них занимали поствизантийские образа, полученные в качестве благословений и подарков во время путешествия великого князя и его супруги по Святым местам Востока.²⁴

Вслед за двором подобные храмы-древлехрамиле устраивали дворяне и богатые купцы. Например, известный заводчик П. И. Харитоненко поместил свое ценное собрание древних икон в церкви с. Натальевка Сумского уезда.²⁵

Отдельные произведения поствизантийской живописи издревле находились в частных собраниях, обычно среди семейных и родовых святынь. Представление о характере таких собраний можно соста-

²² Пятницкий Ю. А. Один из путей проникновения. . .

²³ Сохранился подробный архив по приобретению памятников для этого собора (ЦГИА СССР, ф. 489).

²⁴ Степанов М. П. Храм-усыпальница вел. кн. Сергея Александровича. М., 1909.

²⁵ Кондаков Н. П. Русская икона. Прага, 1933. Т. 4, ч. 2. С. 205.

вить по редкому изданию «Иконы семейные графа С. Д. и графини Е. П. Шереметевых» (СПб., 1899).²⁶ В числе 250 образов, крестов и других святынь упоминается несколько поствизантийских произведений. Характерны источники их поступления: икона Распятие была привезена из Иерусалима и подарена княгиней О. А. Шаховской в 1884 г. Е. П. Шереметевой; серебряный старинный сосуд для Иорданской воды привезен также из Иерусалима княжной В. Ф. Вяземской и подарен графине; икона великомученика Пантелеймона являлась благословением Русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. Образом Богоматерь Нерушимая Стена с греческой надписью в 1873 г. настоятель киевского Софийского собора протоиерей П. Г. Лебединцев благословил графа С. Д. Шереметева. В Киеве же ему были подарены упоминавшимся выше А. Н. Муравьевым каменный резной образок апостола Павла и изображения Рождества Христова, вырезанное из кипариса. Афонский кипарисовый крест с праздничными сценами принадлежал отцу графини Е. П. Шереметевой князю П. П. Вяземскому и был получен им в 1846 г. на Святой Горе. В семействе Шереметевых хранилась шитая икона Благовещения, вставленная в серебряный оклад и украшенная жемчужными венцами. Этим образом (работы греческих мастеров в Италии, по мнению Г. Д. Филимонова) императрица Анна Иоанновна благословила в 1730 г. княжну В. А. Черкасскую.

Таким образом, мы видим все тот же традиционный источник поступления поствизантийских произведений: подношения при посещении святых мест, благословения, подарки приезжающего в Россию восточного духовенства. Эти памятники рассматривались владельцами в основном как святыни, исторические или родовые древности, но не как произведения искусства, обладающие художественной ценностью. Подобное отношение к иконе в целом характерно для России и сохранялось до 1910-х гг.

Древности С. Д. и Е. П. Шереметевых являются типичным примером собраний «семейных святынь» русских фамилий. Аналогичные древности имелись во всех великокняжеских, дворянских и купеческих семьях. Они передавались из поколения в поколение, укрупнялись, дробились, вкладывались в храмы. Ими дорожили, берегли и подновляли их, но относились к ним, еще раз подчеркнем, в основном как к историческим и религиозным реликвиям. В таких семейных собраниях поствизантийские произведения образуют очень незначительные в количественном отношении группы: от двух-трех до полутора-двух десятков памятников. Мы уже упоминали о таких иконах у Одоевского, Головиных, Голицыных, Вяземских, великого князя Сергея Александровича. Этот перечень можно расширять и далее. Но для нас важен не только учет бытовавших в России поствизантийских произведений, но и сам характер отношения к таким произведениям.²⁷ Новый этап в истории поствизантийского искус-

²⁶ Книга издана в количестве ста экземпляров и является библиографической редкостью. Описание икон сделано Г. Д. Филимоновым.

²⁷ Особую тему составляет вопрос о произведениях поствизантийских мастеров, работавших на Русь. Этой проблеме посвящена специальная работа:

ства в России начинается с первой половины XIX в. Это время отмечено возрастающим интересом к отечественной культуре, национальным святыням и древностям. Этот интерес постепенно приобретает не только чисто историко-археологический аспект, но и художественный. Именно в это время обновляются и активно пополняются старые родовые собрания и возникают новые художественные коллекции древнерусского, византийского и поствизантийского искусства. Однако этот материал уже выходит за рамки данной статьи и будет нами разобран в специальной работе.

Б. Ю. А К Е Н Т Ь Е В

О ПРОЕКТЕ «СВОДА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ» И НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

6 октября 1989 г. Ленинградская византийская группа заслушала доклад автора настоящего сообщения об указанном в заголовке проекте. Основные положения доклада сводились к следующему. В последние годы все острее ощущается потребность в достаточно репрезентативном своде письменных источников по истории византийской художественной культуры. Думается, что он должен представлять собой многотомную коллекцию текстов на всех основных языках византийского круга, издание которой потребует консолидации усилий многих специалистов. Извлеченные из каждого текста эксерпты могут сопровождаться русским переводом и необходимыми филологическими и историко-художественными комментариями. Распределение эксерпированного текстуального материала по отдельным томам предполагаемой серии может осуществляться по хронологическому принципу, чтобы каждый том охватывал относительно целостный исторический период. Внутри отдельных томов целесообразна в свою очередь предметно-тематическая систематизация материала по таким органичным для искусствоведения рубрикам, как градостроительство и архитектура, монументальная живопись, икона и т. д. Наконец, в рамках каждой предметной рубрики эксерпты могут группироваться по функциональным признакам: 1) фрагменты, проясняющие интенцию, мотивацию и организацию работ в данной сфере художественной деятельности; 2) фрагменты, характеризующие топикку образного мышления эпохи, коррелирующие с топиккой ее иконографического репертуара и проясняющие его семантику и генезис; 3) фрагменты, содержащие описания

Лятницкий Ю. А. Московский Кремль и греко-русские связи XVI—XVII вв. // Русская художественная культура XV—XVI веков: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции 21—23 мая 1990 г. М., 1990. С. 11—14.